

ни индивида на множество отдельных бессвязных актов. Именно это и служит базой самоидентификации, самопостижения, формирования своего Я.

Опыт оказывается внутренне противоречивым, он соединяет внешние наблюдения, чувственные данные об ином с внутренним психическим процессом. Он предполагает «закрытость» (догматизирующее основание), приверженность повторяемому, воспроизводимому, привязку к «своей позиции» и «открытость» тому, чего еще не было – к получению новых неожиданных результатов – (принципиальный адогматизм). Опыт являет собой непосредственную данность всеобщего через единичное, то есть «конкретно-всеобщее» или выявление Универсума, самого Бытия в самобытии, что, в свою очередь, предполагает выход в сферу духовного, формирование религиозного (в широком смысле слова) постижения мира.

Понятый таким образом опыт по-новому раскрывает и связку «опыт-знание», традиционную для понимания опыта в философии. В этой связке опыт мог отождествляться, во-первых, с «темным знанием», неистинным, неочищенным от предрассудков, то есть с мнениями, верованиями, вымыслами, которые не являются знаниями, а служат если не помехой, то только сырым материалом знания. Их необходимо «просеять» через сито разума. Во-вторых, опыт понимается как область «достоверных видимостей», чувственно-наглядных, наблюдаемых проявлений, обладающих в определенной мере истинностью. Это промежуточное звено между невежеством и Мудростью – основа эпистемологии, это уже в определенной мере обработанные разумом чувственные данные, явленные в наблюдении и эксперименте. И эмпиризм, и рационализм по-своему обращались именно к такому пониманию опыта.

Понимание опыта как процесса переживания предполагает еще один аспект, а именно: перерождение души. Ее совершенствование, подготовку к встрече с Истиной.

Гносеология, в отличие от эпистемологии, имеет дело с Гнозисом, открывающейся Мудростью, Истиной. Душа индивида должна быть готова к такой встрече, это рождение душевного в образе духовного, выход в сферу духа. И только такой опытный путь ведет к Истине.

В.В.Ким, Н.С.Рыбаков О ПРИРОДЕ ИСТИНЫ

В огромном массиве литературы, посвященной исследованию проблемы истины, существует множество определений и концепций истины. И это не случайно, ибо проблема истины ни в естествознании, ни в социальных науках, ни в какой-либо другой сфере познания и знания никогда не теряла своей остроты и актуальности. Поэтому время от времени по проблеме истины возникают острые и оживленные дискуссии¹.

Общеизвестная, ставшая, по существу, классической, формула Аристотеля – *истина есть соответствие знания действительности*, несмотря на кажущуюся ясность, представляется достаточно неопределенной, способной порождать множество интерпретаций, вплоть до альтернативных. Так, в имеющейся лите-

¹ Одна из последних дискуссий по проблеме природы истины была организована журналом «Философские науки» (См., напр., 1990. — №№ 8, 10; 1991. — №№ 4, 6, 12).

ратуре наиболее распространенной интерпретацией природы истины является разные варианты *гносеологической* концепции, согласно которой истинными являются лишь *знания*, а сама истина имеет исключительно *знаниевую* природу. Однако гносеологическая интерпретация истины игнорирует то обстоятельство, что указанная формула имеет двойственный характер, так как истиной здесь называют *соответствие* знаний действительности. Следовательно, истина – это классификация *отношения* между знаниями и действительностью, но не знания и действительности в их раздельности. И коль скоро отношение одновременно принадлежит двум членам, то закономерен вопрос о правомерности переноса истины и на саму *действительность*, на вещи, предметы.

Истинна ли действительность? Истинны ли вещи, предметы, обладающие бытием? Делая этот шаг, мы приходим к *онтологическому* пониманию истины. Можно говорить о векторах соответствия: а) о соответствии понятия вещи (*истина понятия*); б) о соответствии вещи понятию (*истина вещи*). Напрашивается третье звено, синтезирующее эти два, в результате чего возникает понятие *синтетической истины*, учитывающей и синтезирующей означенную разнонаправленность соответствия. Необходимость синтеза непосредственно связана с проблемой соотношения бытия и идеи, точнее, проблемой их тождества, лежащей в основе раскрытия *сущности знания как смыслового отношения идей, как установления смысловой связи между бытием и идеей*². Смысловое совмещение бытия и идеи – вот, видимо, единственно возможный путь раскрытия тождества этих разных по своей природе феноменов, образующих в структуре мира нерасторжимое единство.

Установление смысловых отношений между идеями, в которых раскрываются смысловые отношения *самой* действительности, важно в постановке и исследовании проблемы *истины как таковой*. В частности, подобный подход позволяет указать общие истоки как теорий корреспонденции (ее различных вариантов, устанавливающих *соответствие* знаний действительности), так и теорий когерентности (устанавливающих необходимость *согласования* знаний между собой). Действительно, теории корреспонденции обращают внимание исследователя на соответствие между идеями и бытием, тогда как теории когеренции – на отношение в сфере смысла. Поэтому изучение природы истины естественно начинать именно со смысловой сферы.

В свете сказанного формула «Истина есть соответствие знаний действительности» выглядит достаточно примитивной и порождает упрощенные, линейно-асимптотические представления ее достижения. Получается, что в действительности существует некий объект, обозначенный неким понятием, содержание которого по мере развития практики и познания все время уточняется, конкретизируется, так что понятие как бы по асимптоте бесконечно приближается к своему денотату, в пределе же схватывает его³. Как известно, понятия обладают *значе-*

² Анализ сущности знания см.: Ким В.В., Рыбаков Н.С. Мир знания // Двенадцать лекций по философии. — Екатеринбург, 1996. — С. 55—82.

³ Мамардашвили справедливо отмечает неудачность энгельсовской метафоры асимптоты и подчеркивает, что этого не может быть по природе самих понятий: «Внутри мира нет подобий или каких-то приближений, любое состояние одинаково далеко от бесконечности». (Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. — М., 1990. — С. 148).

нием, они репрезентируют объекты, и *смыслам* как способом репрезентации. Понятие существует не просто в смысловом поле, но в определенной суперпозиции, образующей культурный контекст этого бытия. Суждение, выражая отношение понятий, задает определенную суперпозицию смыслов, умозаключение — это способ преобразования смыслов. Носители смыслов не совпадают с логическими формулами мышления — появляются разные познавательные формы. Смысловые поля, сопряженные с *познавательными формами*⁴, уходят своими истоками в культуру. С точки зрения ячеистой модели познания сам познавательный процесс есть установление отношений между смысловыми полями познавательных форм, так что ни о каких асимптотических приближениях в этой структуре знания, где рациональное и иррациональное взаимно поддерживают друг друга, в процессе установления истины речи просто не может быть.

Все это говорит о необходимости выхода за рамки гносеологического отношения, хотя гносеологический подход указывает на ценностный характер истины. И это очень важно, ибо ценностное навевает мысль о бытийно-смысловой природе самой истины: истина — это не только и не столько гносеологическая категория, сколько смысложизненная проблема, ибо стремление к истине есть одно из высших проявлений человеческого духа. И прав Х.Ортега-и-Гассет, квалифицируя человека существом, питающимся истинами. В литературе это обстоятельство раскрывается в стремлении найти более широкие трактовки истины, «завязанные» на бытие. Так, А.Богданов характеризует истину как организующую форму человеческого опыта, что далеко отстоит от гносеологического понимания истины и обозначает ее социально-нормативные параметры⁵. Н.А.Бердяев определяет истину как осмысливание и освоение бытия как смысл⁶. Сущность истины, замечает М.Хайдеггер, проявляет себя «как вхождение (в-становление) в сферу обнаружения сущего», как *свобода*⁷. Исследуя этимологию слова «истина», П.А.Флоренский вскрывает национальные предпочтения этого слова: у греков истина — это «*aletheia*», «несокрывтость», в латинском «*veritas*» отражен аспект настоящего положения дел, в русском слове «истина» слышится «*естина*», то есть «*бытие*», то, что *есть*. «Естина» — это пребывание в бытии⁸. Все эти и множество других попыток анализа истины лишь подтверждают необходимость онтологического подхода к ней как целостному смысловому феномену, преодолевающему узкие рамки субъект-объектного отношения.

⁴Хотя многие познавательные формы в литературе проанализированы достаточно обстоятельно, тем не менее, до сих пор не существует сколь-нибудь полного систематического каталога познавательных форм. Число последних неизвестно, но вполне вероятно, что на каждом этапе развития познания человечество использует их определенный набор, вырабатывая новые, просеивая старые и т.п.

⁵Богданов А. Вера и наука (о книге В.Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») // Вопр. философии. — 1991. — № 12.

⁶Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. — М. 1989. — С. 281.

⁷Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. — М., 1991. — С. 17, 21.

⁸Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. — М., 1990. — Т. I (1). — С. 15—22. Учитывая данное обстоятельство, Г.Гачев строит весьма оригинальную и интересную концепцию национальных образов мира (См.: Гачев Г. Национальный космо-психо-логос // Вопр. философии. — 1994. — № 12).

Онтологическое понимание истины означает, что она открывается не просто в потоке прямых и косвенных сопоставлений образа и объекта, а в смысловых конструкциях бытия и его многообразных внутренних отношениях. Смысловое пространство бытия, в котором обретается истина, есть выход в сферу смысла, в сферу бытия идеи, где, во-первых, вскрывается истина как таковая, во-вторых, обнаруживается сама возможность существования многообразия истин. Онтологическое понимание истины означает также отделение ее от субъекта, *независимость* от него. Такое пребывание можно квалифицировать как объективность истины: истина пребывает в сфере смысла вне субъекта, субъект способен постичь истину, лишь преобразуясь духовно. Постижение смысла неизбежно изменяет субъект, который поворачивается к себе и возвращается к себе, а это становится важным условием его духовного обогащения.

Итак, онтологически свойства истины, вообще понимание истины сопряжено с пониманием смысла. Сфера смысла — каковы ее особенности и как они сказываются на природе истины? В плане дальнейшего анализа можно использовать интересные соображения Е.Н.Трубецкого на сей счет, прямо сопоставляющего смысл и истину⁹. Смысл есть безусловное значение чего-либо безотносительно к субъективному усмотрению, он представляет нечто всеобщее, общезначимое, а потому и сверхпсихологическое. Смысл преобразует хаос впечатлений в целостную картину.

Что значит «*безусловное значение*»? Когда субъект обозначает термином какой-либо предмет, класс предметов, то данный термин по необходимости имеет условное значение, во-первых, в связи с различными языками, во-вторых, со способностью субъекта к усмотрению. Возможность такого усмотрения должна иметь определенные основания не только в психологических способностях субъекта, но и в особенностях самого усматриваемого предмета. Это есть особенность предмета, которая выражается в его раздвоении на бытие предмета *самого-в-себе* и на бытие *предмета-для-другого*, причем второе есть необходимое условие для возникновения и существования идеи предмета, которая и усматривается как его смысл. Безусловное (безотносительное) значение смысл имеет потому, что любое бытие, любой предмет двойственен по отношению к себе — как собственно предмет и как носитель идеи предмета; смысл безусловен потому, что он существует как идея предмета в сопоставлении с самим же предметом вне всякого субъекта. Когда как безусловный смысл предмета существует безотносительно к субъекту, тогда субъект своим сознанием раскрывает его, *отыскивает* смысл мира, бытия; когда никакой идеи как безусловного смысла для сознания нет, тогда субъект с его ограниченностью (психической, интеллектуальной) приписывает себе ничем не обоснованное право наделять смыслами видимые предметы.

Таким образом, безусловность как сопоставленность непосредственно идеи и бытия — важнейшая особенность смысла. Безусловность сопрягается со всеобщностью смысла — ибо идея одна на класс предметов, и она не существует ни в одном из них, ни в классе в целом. Она обладает особым бытием — *идеальным*. Идеальность смысла в сопоставлении с его бытием позволяет говорить о нем (смысле) как неподвижном и неизменном; смысл предмета — один на все предме-

⁹ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. — М., 1994. С. 5—21.

ты класса, как бы сами они не менялись. Это значит, что смысл выпадает из потока времени – он сверхвременен, вечен. Смысл, говоря современным языком, есть оператор преобразования хаотической картины (восприятия) в целостную картину. В этом – важнейшая функция смысла по отношению к бытию. Смысл упорядочивает, стягивает воедино – он же и открывается как общезначимый для субъектов. Следовательно, истоки общезначимости (транссубъективности) скрыты в сфере объективно-идеальных отношений смысла. Смысл обладает общезначимостью не только по отношению к восприятиям, к психологическому вообще, но и по отношению к самой действительности мира, его бытию. Смысл упорядочивает хаотическую действительность, и человек постигает смысл бытия с помощью своего сознания, своей интуиции, и потому возникает необходимость преобразования субъекта, пребывающего в истине. Ибо истина связана не только со смыслом, но и духовностью, которая и представляет собой способность (субъекта) постигать смысл бытия. Духовно спящему человеку недоступны никакие смыслы, не даны никакие истины – ему отведена лишь польза (полезность) да твердое (априори?) убеждение: это ему для жизни не нужно, а это – совершенно излишне.

Истина в отношении к смыслу и есть его выражение, она есть форма смысла, которая имеет устойчиво-определенное бытие. Пребывание в истине означает обретение этой формы, что выходит за рамки непосредственно психического состояния субъекта, суммы его восприятий, переживаний и другого психического материала. Постичь истину – значит обрести смысл, осознать его: истина и смысл неотделимы от сознания, *имманентны* сознанию.

Истина обладает всеми особенностями смысла: а) она обладает устойчивостью; б) представляет собой нечто сверхпсихическое, безусловное; в) она есть обозначимое содержание сознания, которое по отношению к сознанию субъекта одновременно имманентное и трансцендентное. Бытие же этого сверхиндивидуального сознания, равное бытию смысла, означает, что истина осуществляется в мире не гносеологически, а онтологически, что в поисках истины надо отвлекаться от психологических и гносеологических моментов, которые для истины сугубо вторичны. Пребывать в истине – значит ухватить нечто из объективного содержания безусловного сознания, то есть онтологически слиться с ним. Это такое единение, где нет деления на субъект и объект – это предсубъект-объектное состояние. Существование истины *предшествует* существованию субъекта, который *ищет* (существующую) истину, а не создает ее; *открывает* (существующую) истину, но не изобретает по своему произволу. Истина – это вне меня существующее содержание вселенского сознания (смысла), поэтому и наличие истины есть важнейшее (и принципиальное) условие постижения мира.

Если истины как выраженного смысла нет в самом бытии, то нет ее и в познании. Истина обладает онтологической действительностью, она объемлет собой всякое бытие. Бытие погружено в собственный смысл, который есть условие, исток, основание самого бытия. Бытия нет, если не смысла бытия. И тогда невозможно открывание этого смысла и его постижение. Но смысл задается не кем-то или чем-то извне, он генерируется самим бытием и есть именно его – бытия – смысл. Так сливаются бытие (сущее) и смысл, сущий смысл и смысл (значимость) сущего. Истина и есть выражение сущего в его безусловности. Выражение сущего как

выражение его смысловых интенций есть акт безусловного сознания, которое, поскольку оно, безусловно, общезначимо, всеедино, есть абсолютное и единственное, одно сознание. Истина потому есть выраженное состояние этого единого сознания, объемлющее действительность и возможность. Таким образом, представленная истина есть абсолютная и единая истина, одна истина полного и цельного бытия. Абстрактная истина, полная и единственная есть абсолютно полное соединение (тождество) бытия (мира как целого) с самим же собой, то есть собственным выражением или смыслом. Истина бытия есть первое и необходимое условие дифференциации как бытия, так и отделения смысла от самого бытия. Поэтому истина – онтологически – действительно имеет приоритет над ложью, она превосходит ложь мощностью своего бытия, ложь же есть нечто вторичное, уже рождаемое в сфере условного сознания, не имеющего силы общезначимости и всеобщности. Вместе с тем ложь – необходимая обратная сторона проявления истины в сфере субъективного сознания, где истина осмысливается не как имманентность, а как трансцендентность выражения бытия во вселенском сознании. То есть когда самый акт этого выражения, осуществляемый в действительности, захватывается мыслью субъекта и переносится в его субъективное сознание. И тогда истина становится относительной.

Итак, истина объективна, сверхвременна, безусловна, обязательна для всех, всеедина, объемлет все действительное и возможное, одним словом, она есть полнота всеединого сознания. Именно на свойстве полноты основываются все попытки искания истины как безусловного смысла бытия. Истина есть тождество безусловного сознания с собой, это есть абсолютная ее полнота, это – *самотождественное пребывание мира*; нарушение же этой самотождественности, а происходит оно постоянно, означает дифференциацию бытия на его особые состояния, равно как и дифференциацию смысла этого дифференцирующегося бытия. Происходит распад целого бытия – при сохранении его целостности возникает необходимость дифференцированных выражений бытия, частных его смысловых оформлений. Поэтому абсолютная, полная, единая истина распадается, становится множественной или частичной, но несущей на себе смысловые потенции целого.

Исходя из вышеизложенного, можно на первый взгляд прийти к выводу, что абсолютная, полная, всеединая истина, выражающая содержание безусловного сознания или безусловный смысл бытия, одна. А вот то, что связано с сознанием субъекта – неполным, частичным, является причиной распада этой истины на множественность. Но при этом надо видеть, что здесь имеют место разные случаи: это может зависеть от разных референтов эквивалентных описаний, разных описаний (синтаксиса) теорий, от утверждений о частично несовпадающих сторонах объектов, которые воспроизводятся теориями. За всеми этими логико-гносеологическими и методологическими объяснениями скрывается онтология. Поэтому они не могут считаться исчерпывающими, если мы не перейдем к онтологии.

Бытие, действительность – то, что существует реально. Реально существуют же разнообразные вещи, с которыми человек сталкивается в своей деятельности. Вещь – то, что утвердилось самостоятельно в существовании как действующая до человека. Человеческая же деятельность – это искания подлинной действительности, искание сути вещей.

Интуитивно ясно, что вещи суть то, что делает вещь именно данной вещью и утверждает ее в качестве некой определенности: дерева, компьютера, атмосферы. Вещи отличаются друг от друга заключенным в них изначальным, невещественным смыслом: без смысла вещь не может быть ни данной вещью, ни вещью вообще. Смысл вещи как нечто внутреннее обязательно проявляется в бытии вещи; он обнаруживается как нечто внешнее. Без этого было бы невозможно ни раскрыть смысл вещи, ни даже догадаться о его наличии. Вещь, хотя и распадается на внутреннее (смысл) и внешнее (явленное), *едина*. Единство внутреннего и внешнего и есть действительное бытие.

Следовательно, есть бытие и есть смысл; они различны – бытие не есть смысл; смысл же не есть бытие. Но они едины: смысл есть смысл бытия; бытие же непременно выступает как носитель смысла. Нет бытия – нет и смысла; но если нет смысла, то само бытие обесмысливается, стало быть, перестает существовать как бытие. Смысл, можно сказать, есть тот эфир, который придает бытию жизненность. Смысл вещи не есть нечто мистическое, он то, что явлено самим существованием вещи. Смысл обладает особым бытием: он не есть, он *значит*; смысл есть значимость бытия. И в зависимости от того, как проявляется смысл вещи, сама действительность может представлять в разных формах, выражать себя различно, и эти разные выражения суть ее образы. Субъект в каждый момент своей деятельности соотнесен с каким-либо образом действительности, а не со всей действительностью.

Итак, образ имеет онтологическую, а не только гносеологическую, тем более – психологическую, природу. В противном случае возникает неизбежный разрыв между образом и действительностью, образ отрывается от нее, и, как следствие, искажается образное изображение действительности. Короче говоря, если образ имел бы лишь гносеологическую природу, то постижение действительности, искание истины, смысла бытия оказались бы невозможными. Образ столь же реален, как и действительность. Образ никак нельзя отрывать от действительности: в образе действительность выразила саму себя, явила свой собственный смысл. Следовательно, действительность и образ едины: не только действительность стала выраженной в образе, но и образ стал действительным ее выражением. Действительность и образ слились в нечто единое, выраженное и наделенное смыслом. Это их единство А.Ф. Лосев называет *именем* (именем действительности)¹⁰. Имя действительности – это выраженная действительность; имя вещи – это выраженная вещь. И только обретение вещью своего имени означает обретение ею своей подлинной действительности, стало быть, обретение полноты смысла. Мир без имени – это непонятный, бессмысленный мир.

В силу неразрывности действительности и ее образного выражения – действительность становится осмысленной действительностью и – всякий раз целиком и многообразно. Сосредоточение целого в части возможно лишь при условии смыслового, но не вещественно-предметного воплощения; образ – смысловое раскрытие бытия вещи; образ онтологичен; образ множественен. Возвращаясь к предыдущим нашим рассуждениям об отношении бытия, смысла и истины, мы можем утверждать, что, во-первых, полная и безусловная истина (как общезначимое содержание

¹⁰ Лосев А.Ф. Вещь и имя // Лосев А.Ф. Бытие, имя, космос. — М., 1993.

вселенского сознания, или, что то же самое, смысл бытия) полностью выражена через один (из многих) образов этого бытия, этой действительности как единства образа и действительности и, во-вторых, таких полных и безусловных истин столько же, сколько и образных выражений действительности. Таким образом, то, что гносеологически подразумевается под абсолютной истиной (как суммой относительных истин или как некий идеал истины, к которому можно лишь... асимптотически приближаться, никогда не достигая), онтологически осуществляется как суперпозиция смыслов, осуществленных выражений бытия: абсолютные (полные) и сосредоточенные в образах бытия смыслы-истины налагаются друг на друга в сложнейшей суперпозиции, объемлющей собой действительное и возможное.

Итак, завершая наше изложение, еще раз обратим внимание на соотношение смысла и истины. Онтологически свойства истины, вообще понимание природы истины сопряжено с пониманием смысла. Смысл сопряжен с бытием (вещи), вне бытия (вещи) смысл невозможен: смысл есть всегда смысл бытия. Но смысл и бытие совсем не одно и то же: есть бытие само по себе – не как смысл, а только как носитель смысла; есть смысл сам по себе – не как бытие – только тогда, отделенный от бытия и соотношенный затем с ним, он становится смыслом бытия. Но если смысл – нерасторжимый с бытием – есть в то же время нечто *отличное* от бытия, то что же он такое и как он пребывает? Смысл *нигде* не находится и не находится как определенное «когда», то есть он пребывает вне времени и вне пространства – это нечто сверхвременное, вечное и внепространственное, а потому – не вещественно-физическое. В то же время смысл определяет собой все пространственные и временные свойства вещи (бытия). Смысл не находится ни в данной вещи, ни во всех вещах вместе взятых, ни в бытии вообще. Смысл существует как *значимость* вещи (бытия), он везде и одновременно нигде. Смысл ни субъективен, ни объективен – он выпадает из сферы субъект-объектного отношения. Бытие смысла есть особый вид бытия, особая область онтологии.

Исходя именно из этих особенностей смысла проявляется и природа истины как открывания безусловного смысла (всеобщей значимости, полноты) бытия. Истина, как и смысл, внепространственна и сверхвременна, но в ней открываются свойства вещи в пространстве и времени; как и смысл, она не находится ни в одной вещи, ни в вещах вообще; она не есть достояние субъекта, она же и вне объекта. Истина как значимость образного выражения действительности есть именно истина бытия (действительности). И лишь поскольку смысловая сфера постигается мышлением, в котором отражается бытие, постольку в мышлении связываются в мыслительном акте понятия, образуя суждения, значимость которых относительно бытия и дает привычную в гносеологическом плане истинность знаний.

А.Г.Мясников

ПРОБЛЕМА ПОИСКА ОСНОВАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Традиционная новоевропейская метафизика в лице Декарта, Лейбница, Вольфа, Баумгартена и др. рассматривала теоретическое и практическое познание в